18+

Ирина Линд

Хранительница забытого света

Ирина Линд

Хранительница забытого света

«Издательские решения»

Линд И.

Хранительница забытого света / И. Линд — «Издательские решения»,

Что общего у маникюрного стола, лаборатории алхимика и Долины Спящих Ветров? Ответ знает только Ия. В XXI веке у неё четыре кота, непростой характер и тяга к мужчине, который её стыдится. Она любит дикие ущелья, в её пальцах — странное тепло, а однозубый кот Бальтазар словно помнит сотворение мира.Погружение в память души раскрывает историю всадницы изумрудного дракона и разгадку её болезненных отношений. Тайна уходит корнями в башню алхимика и в давнее предательство.

© Линд И.
© Издательские решения

Содержание

Хранительница 6
Часть I. Сны и крылья 7
Глава 1. Пыль и чешуя 7
Глава 2. Бежевый туман 12
Глава 3. Чаша взвара 16
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Хранительница забытого света

Ирина Линд

© Ирина Линд, 2026

ISBN 978-5-0071-7673-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Хранительница забытого света

Что общего у обычного маникюрного стола в мегаполисе, мрачной лаборатории средневекового алхимика и затерянной в горах Долины Спящих Ветров?

Ответ знает только Ия — правда, до поры до времени она сама об этом не догадывается. В двадцать первом веке у неё четверо котов, непростой характер и мучительное, необъяснимое притяжение к мужчине, который её стыдится. Она не понимает, почему её так тянет в дикие ущелья, откуда в её пальцах берётся странное тепло и почему толстый однозубый кот Бальтазар смотрит на неё так, словно помнит сотворение мира.

Один сеанс погружения в память души переворачивает всё. За серыми буднями скрывается история всадницы изумрудного дракона и воина, до последнего вздоха защищавшего свой гибнущий мир. А разгадка её болезненной связи с Арсением уходит корнями в башню алхимика, которая скрывает страшную тайну, и в ночь давнего предательства, погубившего целый край.

История о силе, которую не способны убить ни века, ни чужая ложь, и о выборе, способном разбудить даже спящий гранит.

Иногда, чтобы вспомнить, кто ты есть, нужно спуститься в самую глубокую тень прошлого — и зажечь там свой собственный свет.

Часть I. Сны и крылья

Глава 1. Пыль и чешуя

Фреза послушно жужжала в пальцах Ии, превращая старый гель-лак в мелкую, невесомую белую пыль. Эта работа требовала предельной концентрации, ставшей для неё своего рода медитацией. Ия двигалась уверенно, методично, почти механически. В её маленькой домашней студии всегда пахло мономером, крепким кофе и немного — уютом. Из четырех ее котов на вахту сегодня заступил только один, остальные, видимо, спали. Толстый угольно-черный Бальтазар развалился прямо под настольной лампой на подоконнике, задрав одну заднюю лапу, и демонстрировал миру свой единственный, сиротливо торчащий из-под верхней губы клык. Из-за этого клыка и вечно сурового прищура он был удивительно похож на маленького, объевшегося сметаной дракона. Ия мимоходом подумала, что в его черной блестящей шерсти, залитой светом лампы, есть что-то глубокое, напоминающее первобытную ночную тьму.

— Нет, ну ты представь, Ий, — Инна, постоянная клиентка, сидела, положив свободную руку на мягкую подушечку, и увлеченно жестикулировала той, над которой колдовала мастер, конечно же, ей мешая. — Сонька с Машкой совсем с ума сошли. Взрослые бабы, под сорок лет! А всё туда же — читают книжки про эльфов, драконов, летают там где-то в облаках. Понапридумывают себе сказок, а потом нормальных мужиков в упор не видят. Я им говорю: почитайте вы нормальный, крепкий детектив. Твердую научную фантастику, где всё логично, по полочкам! Старого доброго Азимова или как его там, новомодный китаец?.. Лю Цысинь! Очень даже классная книга — «Задача трех тел». Кстати, советую! Ну или Стругацких наших — ведь страницу прочтешь, потом за уши не оттащить! А они мне: «Инночка, ты ничего не понимаешь, там такая любовь, такие крылья…» Ну бред же? — и Инна скривила свою остренькую мордочку, как лиса, которой предложили отведать отварной моркови.

Ия на мгновение замерла. Фреза чуть не уехала по своим очень важным делам, но рука мастера вовремя перехватила движение. Инна даже ничего не заметила. Слова клиентки отозвались внутри Ии глухим, знакомым уколом. Она слишком хорошо знала, каково это — прятать свои настоящие мысли и увлечения от чужого, рациоцентричного мира.

— Почему бред? — тихо, не поднимая глаз от ногтя, спросила Ия. Она аккуратно смахнула широкой кистью белую пыль, похожую на легкий январский снег. — Иногда людям необходимо верить во что-то большее, чем серые многоэтажки за окном. Я как человек увлечённый тайнами мира — люблю копаться в загадочном и неочевидном.

— Ой, брось! — Инна фыркнула и перевернула руку, подставляя под пилочку другой бок ногтя. — Какое загадочное, магия что ли? Мы в двадцать первом веке живем. Магия — это физика с точки зрения невежд. Сейчас же кибернетика, искусственный интеллект, космос! Вон, Илон Маск, поди-ка, ни в какую магию не верит. Все эти сказочки — для тех, кто не умеет принимать решения в реальной жизни. Инфантилизм чистой воды. В жизни всё жестко: либо ты просчитываешь шаги, либо тебя раздавят. Вот мой Пашка вчера…

Ия слушала Инну вполоборота, привычно кивая в нужных местах. Слова клиентки попали в самую больную, кровоточащую точку. «Не умеет принимать решения…» — раскатистым эхом отозвалось в голове, неотвратимо возвращая её к событиям трехдневной давности.

Инна ведь не знала, что прямо сейчас внутри Ии шла тихая, изнуряющая война. В прихожей, в новом зеркальном шкафу, на вешалке всё еще сиротливо висел чужой мужской шарф. Арсений. Он оставил его три дня назад, когда уходил в очередной раз. Уходил со своим фирменным, отстраненным выражением лица, аккуратно поправив очки на переносице. Он снова

повторил, что её простота его душит, а его друзья — сплошь доценты и аналитики — не поймут, если он приведет её на ужин.

Тогда, три дня назад, едва за ним закрылась дверь, Ия сползла по стене на пол. Ей казалось, что из легких разом выкачали весь кислород. Физическая, невыносимая боль в груди ломала её напополам. Без него она словно не могла дышать. Они были как вода и пламень, совершенно разные, не подходящие друг другу… но её тянуло к нему с какой-то первобытной, чудовищной силой, против которой она не имела воли сопротивляться. Эта привязанность походила на старый, ржавый ошейник, стягивающий горло при попытке сделать самостоятельный шаг.

— Ий, ты меня слышишь? — голос Инны вернул её в реальность. — Давай сегодня базу поплотнее сделаем? И цвет… давай какой-нибудь глубокий зеленый. С легким шиммером, чтоб блестело чуть-чуть.

Ия посмотрела на зеленый флакончик лака. Внутри неё что-то слабо екнуло. Зеленый. Цвет изумрудной чешуи, сияющей на солнце — образ, который в последнее время всё чаще приходил к ней в зыбких предрассветных снах.

— Как скажешь, — улыбнулась Ия, силой загоняя личные мысли поглубже. — Сделаем изумрудный. Тебе точно понравится.

Ия взяла тонкую кисть для дизайна. Она могла повторить любой рисунок по фотографии, могла воссоздать сложнейший узор по одному лишь сбивчивому описанию клиента. Но мало кто знал, откуда у неё этот дар. Когда-то давно строгая педагогиня в художке уговаривала юную Ию не бросать рисование, пророча ей большое будущее. Но… жизнь закрутила, уверенность в себе испарилась, и талант оказался заперт в тесные рамки крошечных ногтевых пластин и вечерних раскрасок по номерам.

Но стоило кисти коснуться изумрудного лака, как Ия, сама того не замечая, ушла в глубокое забытьё. Инна продолжала что-то увлеченно тараторить, но её голос доносился до Ии словно сквозь слой ваты. Рука мастера двигалась сама по себе, повинуясь какому-то неизвестному первичному внутреннему ритму. Линия к линии, штрих к штриху — на ногтях Инны проступал безумно красивый, гипнотический узор. Это была не просто абстракция, это были идеальные, накладывающиеся друг на друга чешуйки, которые в свете настольной лампы казались живыми. Ия рисовала по-настоящему, её душа в этот момент творила свою собственное чудо, пока разум был парализован глубоким переживанием.

Дверь за Инной закрылась с негромким щелчком, снова за окном уже час ночи. Почему-то с этой клиенткой всегда работалось долго.

— Вот идут же человеку платья… Еще и принт такой красивый… — рассеянно, чуть слышно проговорила Ия, всматриваясь в оставшийся на столе флакончик. Она со вздохом облегчения опустилась на стул и закрыла глаза. Пылесос для маникюра на столе медленно затихал, укладывая последние крупицы изумрудной пыли на фильтр.

В ту же секунду из спальни, словно по невидимому сигналу, бесшумно вытекли остальные обитатели квартиры. Серая, похожая на пуховое облако, персидская кошка Милка лениво потянулась и запрыгнула на диван. Вслед за ней показался рыжий, как поджаренный тост, молодой кот Персик, с явно татарскими чертами лица, а за ним, хромая на одну лапу после давней уличной травмы, приковылял старый мудрый серый Тихон. Бальтазар на подоконнике даже не повел ухом — статус главного любимца под лампой давал ему право игнорировать прибывшую свиту.

Четыре кота. Четыре молчаливых свидетеля её затяжных, терзающих отношений. Они всегда чувствовали Ию, ее настроение. Милка подошла ближе и шаркнулась своей пушистой щекой об её колено, тихонько заурчав.

Ия погладила кошку по мягкой спине:

— Моя ты бусинка… Мамина красавица, принцесса. Разве можно быть такой красивой кошкой?

Ей хотелось лишь побыть в этой тишине, налить чаю и, может быть, открыть на телефоне очередную фэнтези-книгу, чтобы сбежать в мир, где драконы расправляют мощные крылья, а верность длится вечно. Но взгляд Ии снова упал на шкаф в прихожей. Чужой кашемировый шарф аккуратного серого цвета висел там словно немая, торжествующая угроза. Казалось, он заявлял права на эту квартиру, на её время, на её жизнь.

Внезапный резкий звонок в домофон заставил Ию вздрогнуть. Коты мгновенно насторожились, развернув уши кто вперед, кто назад. Сердце Ии пропустило удар, а затем бешено заколотилось где-то в самом горле. Она уже знала, что это Арсений. Его привычка приходить без предупреждения, ломая её хрупкий ночной покой, всегда сеяла в ней панику.

Ия пошла открывать, чувствуя, как ноги наливаются свинцовой, неподъемной тяжестью — той самой «богатырской» силой, которая в обычной жизни помогала ей твердо стоять на земле, но сейчас почему-то приковывала к месту, не позволяя сделать шаг назад.

Арсений вошел в квартиру без стука, как только щелкнул замок. Он был, как всегда, безупречен. Темное пальто идеально отутюжено, ни единой ворсинки. На переносице поблескивали очки в тонкой дорогой оправе. От него пахло морозным воздухом и его любимым парфюмом с нотами дорогого табака и кедра — запахом, от которого у Ии всегда подкашивались колени и исчезали любые аргументы.

— Я за шарфом, — сухо произнес он, даже не глядя на неё. — И забрать оставшиеся книги из гостиной.

Он прошел мимо неё в комнату, и Ия физически ощутила, как между ними пронеслась волна холода. Он двигался четко, педантично, раскрывая принесенный с собой кожаный портфель. Каждая книга ложилась внутрь с тихим, аккуратным стуком. Научные альманахи, труды по аналитике. Книги, названий которых Ия даже не пыталась запомнить, чувствуя себя рядом с ними бесконечно глупой.

— Арс… — тихо позвала она, остановившись в дверях. Руки её дрожали, и она спрятала их в карманы домашнего кардигана. — Может, поговорим? Чай попьем? Вскипел только что. Я пирог испекла… Твой любимый, с грибами.

Арсений замер, не закрывая портфель. Он медленно повернулся, поправил очки указательным пальцем и посмотрел на неё сверху вниз — холодным, препарирующим взглядом ученого, который разглядывает под микроскопом не самый удачный образец биологической ткани.

— Ия, о чем нам говорить? — его голос звучал ровно, без злости, и от этой обыденности было еще больнее. — Мы уже всё обсудили три дня назад. Ну сколько можно? Мы разные люди. Из совершенно полярных миров. Ты хорошая женщина, правда. Очень добрая. Твои эти кошки… — выговорил Арсений с явной нетерпимостью к мохнатым питомцам Ии. Вдохнул и на резком выдохе выпалил: — Они дурного человека бы не любили. — Сделал секундную паузу и, чуть споткнувшись на первом слове, продолжил: — От-тличный мастер. Но мне… мне душно, понимаешь? Мои коллеги, профессура, вчера спрашивали, пойдем ли мы с тобой на ежегодный симпозиум. И что я должен им сказать? Привести тебя, чтобы ты слушала разговоры о квантовой физике? Молча. Или, упаси боже, начала рассказывать про своих котов, маникюрные тренды или поездки дикарем в твои ущелья?

При упоминании ущелий Ия сжалась. Горы, бурные водопады и дикие скалы были её единственной отдушиной. Только там, вглядываясь в каменистые кручи, она по-настоящему отдыхала, словно подпитываясь мощной энергией леса, ручьев, самой Земли. Но Арсений этого не понимал. Для него её любовь к высоте и первозданной природе была лишь «нецивилизованной блажью», пустой тратой времени, которая не развивала интеллект. Ну горы и горы. Посмотрела один раз и все, чего туда все время ездить-то? Они ж везде одинаковые.

— Меня просто не поймут, Ия. Засмеют, — безжалостно закончил он.

Каждое его слово падало как удар тяжелого молота. Засмеют. Душно. Разные миры. Ия стояла, не шевелясь, чувствуя, как внутри разрастается чудовищная черная пустота. В этот момент она ненавидела свою простоту, ненавидела свою крупную фигуру, которая казалась ей сейчас неуклюжей и громоздкой рядом с его утонченной, подтянутой ста́тью.

— Но ведь… нас же тянет друг к другу, Арс, — тихо, с глухой горечью произнесла она, удерживая голос ровным. — Столько лет… Мы же не можем просто так все перечеркнуть.

— Это химия, Ия. Обычная гормональная зависимость, которую нужно перебороть, — Арсений решительно защелкнул замки портфеля. Вышел в прихожую, легким движением снял с вешалки в зеркальном шкафу свой серый шарф и аккуратно обмотал его вокруг шеи. — Нам нужно поставить точку. Окончательную. Я ухожу. Пожалуйста, не звони мне больше. И я не позвоню. Постараюсь. Так будет лучше для нас обоих.

Дверь захлопнулась. На этот раз ошеломительно громко посреди ночной тишины. Этот звук словно перечеркнул все наискось и отрезал прошлое.

В ту же секунду мир вокруг Ии рухнул… Нет, не рухнул — он разом стал плоским и серым, лишившись всех звуков и запахов. В груди там, где еще минуту назад все горело и ныло, образовался ледяной вакуум. Она дошла до дивана и села, обхватив себя за плечи руками. Больше не хотелось ни плакать, ни спорить, ни искать оправданий того, что она снова оказалась «недостаточно хорошей», снова не смогла удержать, снова не смогла принять правильное решение, сказать нужные слова. Навалилась свинцовая, изнуряющая усталость, словно из нее разом вынули силу, которая годами заставляла ее держаться за эти безнадежные отношения.

Коты сгрудились вокруг неё. Бальтазар подошел вплотную, ткнулся жестким лбом в её лоб и тихо, призывно заурчал, будто пытался передать ей мысли и остатки своего тепла. Его золотые глаза в темноте комнаты казались двумя тлеющими угольками.

Сколько она так просидела — час или вечность — Ия не знала. Медленно, словно украдкой, нащупала в кармане телефон. Экран мигнул строкой времени — 7:17 — и отразил её каменное, чужое лицо. Утро. Город просыпался, а в квартире Ии воцарилось оцепенение и безвременье.

Ей нужно было спасение. Любое. Иначе эта пустота внутри просто раздавит её.

Ия пролистала контакты и остановилась на имени Марина. Подруга, которая уже полгода звала её к себе, занимаясь какими-то странными новыми практиками — регрессиями в прошлые жизни. Сейчас, на самом дне своего личного ада, Ия готова испробовать все это на себе. Или ей просто нужен был кто-то, кто протянет руку.

Ия нажала на вызов. Экран загорелся, пошли долгие, нескончаемые, оглушительные гудки. Один… два… три…

И именно в этот короткий промежуток между «вызовом» и «ответом» Ия почувствовала странное облегчение. Сомнений не было. Раз рассвет за окном застал её в этой пустой, вымороженной комнате, значит, пришло время для шага, на который она долго не решалась. Экран телефона светился в полумраке, город за стенами квартиры медленно просыпался, а она ждала ответа, чувствуя упрямую готовность докопаться до своей сути.

Трубка щелкнула, и из динамика донесся сонный, но мгновенно собранный голос Марины:

— Ия? Господи, Ийка, ты чего? Что случилось?

— Марина, привет. Извини, что так рано, — голос Ии прозвучал на удивление ровно, хоть и глухо от усталости. — Мне нужна твоя помощь. Сама я это не разгребу и не вывезу. Арсений ушел. Окончательно. И я чувствую, что дело вообще не в нем, а во мне. Я готова к сессии.

На том конце провода повисла секундная тишина. Марина знала Ию слишком много лет. Ия всегда была скалой — сильной, статной женщиной, которая привыкла молча тащить на

себе любые бытовые невзгоды, капризы клиентов и одиночество. Если она прямо и спокойно признает, что зашла в тупик, значит, ситуация действительно дошла до предела.

— Так, милая, поняла, — голос Марины зазвучал твердо и с той глубокой поддержкой, от которой у Ии впервые за утро потеплело в груди. — Ты огромный молодец, что набрала меня. Приезжай прямо сейчас.

— Мариш, я бы с радостью, но у меня утром Маргарита по записи, — Ия перевела взгляд на Бальтазара, который продолжал сидеть напротив, преданно охраняя её покой. — Отменить её надо. Знаешь, Арсений ведь сказал, что мы из разных миров, и что со мной ему душно. А ведь он прав. Мы правда из разных миров. Только мой мир — он не хуже его квантовой физики. Он просто другой. Но я почему-то раз за разом позволяла ломать себя ради него. У меня сейчас внутри абсолютная пустота.

— Ия, послушай меня внимательно, — перебила её Марина. В трубке послышался шорох — подруга уже поднялась с постели и набрасывала на плечи халат. — Ты помнишь, о чем мы говорили? Твоя привязанность к нему — это не химия, как он любит утверждать со своим научным апломбом. Это старый кармический узел, который тащит деструктивную связь. И пока ты не заглянешь туда, вглубь себя, ты не разорвешь её. Раз ты внутренне готова и больше не отмахиваешься — это твой первый шаг к свободе. Отменяй клиентку. Используй любой предлог — мигрень, потоп, что угодно. Жду тебя у себя, нам предстоит очень долгий и серьезный разговор.

Ия посмотрела на черного кота. Бальтазар грозно сощурился под утренним солнцем, и его единственный клык блеснул, как маленькое оружие. В его немигающих золотых глазах было столько векового, нечеловеческого понимания, что Ия лишь утвердилась в своей мысли. Если её скрытый, творящий дар, который просыпался во время рисования чешуйчатых узоров, — это реальность, то и в практиках Марины скрыто то, что ей сейчас необходимо. Хуже уже точно не будет. А вот шанс вернуть себя — есть.

— Я готова, — четко повторила Ия. Решимость воина, который долго отступал, но наконец принял бой, окончательно вытеснила из души остатки ночной слабости. — Набираю клиентку и выезжаю.

Глава 2. Бежевый туман

Квартира Марины встретила Ию оглушительной, почти стерильной тишиной и запахом дорогого табака, смешанным с едва уловимой ноткой лаванды. Здесь не было полумрака, хрустальных шаров или карт таро, разложенных на бархатных скатертях. Светлая, просторная, оформленная в идеально выверенных бежевых и кремовых тонах, эта квартира больше походила на страницу журнала о минимализме. Единственным «излишеством» на белой стене в прихожей была большая, слегка кривоватая рамка с семейной фотографией. На ней Марина — тонкая, хрупкая блондинка с точеными, почти прозрачными чертами лица — улыбалась, обнимая за плечи высокого загорелого мужчину в морской форме. Чуть поодаль на фото хмурился серьезный питерский студент-первокурсник, а прямо на переднем плане корчил рожицу семилетний сорванец с ободранными коленками.

Старший уехал учиться, младшего Марина только что со скандалом и уговорами выпихнула в школу, а муж-капитан уже второй месяц бороздил просторы Атлантики. «Слава богу, — любила повторять Марина, — иначе мы бы давно поубивали друг друга на суше. А так — соскучимся, созвонимся по спутнику, и красота». Животных в этом бежевом раю принципиально не держали: Марина утверждала, что ей с лихвой хватает одного неслуха-сына, который один разрушает дом эффективнее стаи диких обезьян.

— Проходи, Ийка. Снимай свои доспехи, — Марина появилась из кухни, держа в руке тонкую дымящуюся сигарету.

Она бегло, но удивительно цепко осмотрела подругу. Оценивала всё: покрасневшие глаза, серый цвет лица, то, как тяжело, по-богатырски Ия опустила плечи, словно несла на них невидимый мешок с цементом. Сама Марина в свои сорок выглядела как девочка-подросток — тонкие запястья, изящные ключицы, аккуратный бежевый джемпер и свободные домашние брюки. Но в её светлых, почти прозрачных глазах была такая глубина и концентрация, что никто не назвал бы её легкомысленной.

— Маргариту отменила? — Марина стряхнула пепел в маленькую стеклянную пепельницу на подоконнике и сделала затяжку.

— Отменила, — глухо отозвалась Ия, разуваясь. — Сказала, спину прихватило. Она посочувствовала.

— Ну и отлично. Садись на диван. Кофе? Или сразу к делу? — Марина затушила сигарету и подошла к комоду, вынимая из ящика обычный чистый блокнот и гелевую ручку. По её собранным движениям Ия поняла: сейчас перед ней не просто подруга, с которой можно посплетничать за бокалом вина, а целый специалист, черт возьми.

— Сразу, — Ия села на глубокий мягкий диван, чувствуя, как её буквально засасывает в эту кремовую ткань. Подушки пахли чистотой и лавандовым кондиционером для белья. — Мариш, мне страшно. Я ведь до конца не верю во всю эту твою регрессию. Мне кажется, мой мозг сейчас просто начнет подсовывать картинки из книжек, которые я читала. Из фильмов. Я ведь столько этого фэнтези пересмотрела… Как понять, где правда, а где мои выдумки от одиночества?

Марина мягко улыбнулась, садясь в икеевское кресло напротив и подтягивая под себя ноги.

— А никак не надо понимать, Ия. Наш мозг — удивительная штука. Он блокирует то, что считает опасным, и выдает информацию через те образы, которые тебе понятны. Пусть это будут картинки из книг. Пусть это будет метафора. Главное не то, как это выглядит, а то, что ты при этом чувствуешь, — Марина загадочно взмахнула руками, словно собралась танцевать какой-то испанский танец. — Твое тело не умеет врать. Настоящее воспоминание ты узнаешь

по телу. Сердце зажмет, дышать станет тяжело, или, наоборот, крылья за спиной почувствуешь так, что лопатки зачешутся. Твоя боль с Арсением — она ведь реальная? Физическая?

Ия молча кивнула. В груди снова предупреждающе кольнуло при одном упоминании его имени и потянуло щемяще-давяще куда-то в глубины живота, наверное, туда, где жили когда-то бабочки.

— Вооот. Значит, и копать мы будем туда, где болит, — Марина положила блокнот на колени и положила правую руку на живот, как раз в правильное Иино место. — Сейчас мы сделаем простую вещь. Я помогу тебе расслабиться. Ты не уснешь, ты будешь всё слышать, сможешь со мной говорить. Мы просто опустим твой контролирующий разум — тот самый, который пилит ногти и кормит котиков — чуть-чуть пониже. На уровень подсознания. Закрывай глаза, Ийка. И просто слушай мой голос.

Ия сделала глубокий вдох и закрыла веки. Перед глазами поплыли темные круги. Сердце колотилось как сумасшедшее, разум отчаянно цеплялся за реальность: за далекий гул машин на проспекте, за тихий стук капли в кухонной раковине, за запах Марининых сигарет, и, кстати, «накормила ли я котиков»?

— Сделай выдох, — тихо, монотонно произнес голос Марины откуда-то издалека. — И представь, что ты стоишь перед дверью. Любой дверью, какая тебе нравится…

Ия выдохнула. Шум города начал стремительно отдаляться, словно кто-то плавно выкручивал ручку громкости на минимум. Бежевый уют квартиры растворился, уступая место странному, густому туману, от которого вдруг потянуло… сыростью, дикими травами и почему-то жженой чешуей.

— Дыши, Ия. Просто дыши, — далекий, плывущий в плотном тумане голос Марины теперь звучал прямо у неё в голове. — Рассказывай мне, что ты видишь? Где ты?

Ия попыталась ответить, но вместо слов из её горла едва не вырвался низкий, вибрирующий рокот. Туман рассеялся мгновенно, резко, словно разбитое стекло.

Первым, что она ощутила, был ветер. Чудовищный, ледяной, яростный поток воздуха ударил ей в грудь, но не обжег холодом, а, наоборот, разжег внутри какой-то первобытный, ядерный жар. В зобу, глубоко под ребрами, клокотало и бурлило жидкое пламя.

Под ней — на немыслимой, головокружительной высоте — расстилался мир. Золотые и багряные пятна осеннего леса складывались в пестрый ковер, прорезанный острыми, седыми шпилями скалистых гор. Скорость была такой, что воздух свистел в ушах.

— Посмотри на свои руки, Ия, — мягко скомандовал голос из земной реальности. — Что у тебя с руками?

Ия послушно попыталась поднять руки к лицу, но… не нашла их. Вместо рук она почувствовала колоссальную, пьянящую мощь. Вместо пальцев — невероятный, саженный размах тяжелых кожистых перепонок, которые с глухим, сильным хлопком резали податливый воздух. Лопатки, о которых говорила Марина, не просто зачесались — они горели, управляя огромными плоскостями крыльев.

«Боже… — пронеслось в её ошеломленном сознании. — Боже, я лечу. Я сама… я и есть дракон!»

Ощущение собственного величия, древней силы и абсолютной свободы было настолько плотным, что Ия едва не задохнулась от восторга. Вся её земная тяжесть, неуклюжесть, все обиды от холодных слов Арсения — всё это превратилось в ничтожную пыль там, внизу, под этими мощными крыльями. Здесь она была хозяйкой неба. Она весила тонны, её чешуя отливала изумрудом и золотом в лучах чужого, непривычно яркого солнца.

Но стоило этой мысли оформиться, как огромная тень дракона резко пошла на снижение. Горы стремительно приближались, превращаясь в уютную, залитую светом долину. Сложив крылья, ящер тяжело, но удивительно грациозно спружинил громадными лапами на каменистое плато у подножия скал. По камням прокатилась легкая вибрация.

И в эту самую секунду Ия… спрыгнула с его шеи.

Мир внутри её головы качнулся и перевернулся, вставая на правильные места. Разум, сыгравший с ней в синестезию, наконец разделил два существа. Ого! Она не была драконом. Она была его наездницей. Его другом. Его половиной. Его продолжением.

Ия стояла на твердой земле, тяжело дыша, а перед ней, медленно складывая огромные изумрудные крылья, замирал великолепный, могучий ящер. Его чешуя дышала теплом, а из приоткрытой пасти, где белели смертоносные клыки, поднимался легкий сизый парок. Один из клыков — самый крупный, верхний — чуть выдавался вперед, придавая древнему хищнику суровое, почти грозное выражение.

Она сделала шаг вперед и без тени страха прижалась всем телом к его огромной, теплой морде. Обняла обеими руками, зарываясь пальцами в жесткие чешуйчатые складки за ухом. Дракон тихо, утробно заурчал — этот звук отозвался мощной вибрацией в её собственной груди. Телепатическая связь между ними была такой чистой, что Ия физически ощущала его преданность, его радость от полета и… легкое, предвкушающее волнение.

Качнув головой, Ия почувствовала, как по плечам и спине рассыпались тяжелые, пружинящие кольца. Она перехватила взгляд своего отражения в чистом, как зеркало, чешуйчатом боку дракона. На неё смотрела высокая, статная женщина в кожаных доспехах, с копной огненных, безумных рыжих кудрей, которые весело трепал горный ветер.

— Ия, что происходит? Ты нашла его? — тихо спросила Марина из кресла в бежевой комнате. Настоящая Ия на диване в этот момент прерывисто вздохнула, её пальцы судорожно сжали покрывало.

— Да… — прошептала Ия одними губами, не открывая глаз. — Я дома. Мы прилетели. Здесь долина… и здесь праздник. Сегодня родился малыш. Где-то здесь, в деревне, он…

Долина внизу буквально дышала светом. С высоты плато казалось, что вся деревня соткана из мягкого золотистого сияния. Древняя сила в этом мире не была чем-то громоздким или пугающим — она ощущалась как сам воздух, став плотнее и слаще от того, что сегодня в мир пришла новая жизнь.

Ия шла вниз по еле заметной тропе, чувствуя, как её тяжелые кожаные сапоги уверенно сминают сочную траву, а её дракон бесшумно и величественно ступал следом, охраняя её спину. До её ушей долетали чистые, переливчатые звуки музыки — это были гусли, но их струны словно вибрировали в такт самому сердцу земли.

Деревня праздновала. Ия завороженно смотрела на дома: это были добротные деревянные жилища, возведенные на массивных каменных фундаментах. Каждый брус, наличник и карниз покрывала сложнейшая резная вязь. Ия присмотрелась и ахнула: каждый деревянный завиток, каждая линия орнамента мягко светились изнутри, будто их выхватывали лучи невидимых, мощных прожекторов. Но никаких приборов, конечно, не было — так светилась сама древесина, напитанная силой земли и драконьего присутствия.

Люди вокруг казались невероятно светлыми. Здесь были все — от глубоких старцев с мудрыми глазами до совсем малых детей. Малыши со смехом бегали по поляне, играя с какими-то светящимися искрами, перебрасывали их друг другу голыми руками, хохотали и валились кучей-малой друг на друга. Мужчины постарше что-то дружно мастерили у длинных столов, а женщины — статные, с удивительно красивыми, точеными лицами — расставляли глиняные кувшины и огромные блюда с угощениями.

Чуть поодаль, на широком зеленом холме, полулежала Мать.

Огромная черная с тысячью звезд, как ночное небо, драконица, чьи размеры заставляли трепетать, но от неё исходило такое колоссальное, материнское тепло и доброта, что Ия почувствовала себя в абсолютной безопасности. Еще на расстоянии Ия коснулась её разума, посылая теплое, уважительное приветствие. Великая драконица медленно повернула к ней массивную

голову и прикрыла огромные золотистые глаза, телепатически отвечая: «Приветствую тебя, Хранительница».

Все вокруг радовались Ие, махали руками, но её взгляд уже был прикован к центру поляны. Там, в кольце заботливо уложенных мягких шкур, возился новорожденный.

Ия подошла ближе и замерла, с трудом сдерживая умиление. Малыш был просто необыкновенным. Вместо жесткой чешуи его тельце покрывал мягкий, пушистый золотисто-желтый пушок, из-за чего он был похож на огромного, неуклюжего цыпленка с крошечными золотыми кожистыми крылышками. Заметив Ию, он смешно перевалился на толстых лапках и поднял к ней мордочку.

Ия опустилась на колени прямо в траву. Сердце в её груди забилось часто-часто. Подчиняясь древнему инстинкту, она медленно наклонилась и прислонилась своим лбом к его крошечному, теплому лбу.

Это не было просто жестом. В это мгновение произошло всё разом: священное приветствие, признание новой жизни, глубокое преклонение перед чудом и тонкая, как струна, настройка ментального контакта. Малыш замер. Его сознание — чистое, доверчивое, пахнущее молоком и весной — коснулось разума Ии. Желтый дракончик сладко заурчал, замурчал, как сытый котенок, а потом смешно зачихал и внезапно кашлянул маленьким облачком сизого дыма прямо Ие в лицо.

Вокруг раздался добрый смех. Ия рассмеялась тоже, вытирая щеку ладонью. Великое празднование только готовилось, мир вокруг звенел от счастья, и казалось, что эта светлая, наполненная живой силой ночь продлится вечно.

— Ия, дыши. Дыши глубоко… — голос Марины вдруг стал стремительно приближаться, обретая плотность.

Светящаяся долина, пушистый желтый дракончик и запах сочной травы начали таять, как смытый дождем рисунок акварелью. Ия резко, судорожно втянула воздух сквозь зубы и открыла глаза.

Бежевый потолок. Мягкий диван. Знакомый запах лаванды и сигаретного дыма. Реальность обрушилась на неё всей своей прозаичной тяжестью. Настоящая Ия сидела на диване, её пальцы намертво вцепились в кремовое покрывало, дыхание сбилось, а в уголках глаз блестели горячие слезы потрясения.

— Мариш… — её голос сорвался на хрип. Она подняла руки и уставилась на свои ладони — обычные, с аккуратным коротким маникюром, совсем не те сильные руки воительницы, которые она видела мгновение назад. — Это… это не выдумка. Я физически чувствовала полет. У меня до сих пор лопатки горят. И этот малыш… он такой теплый. Он пахнет топленым молоком! Господи, Марин, неужели это всё правда? Неужели я когда-то… была такой? Сильной, свободной, нужной?

Марина молча протянула ей бумажную салфетку. Ее светлые глаза блестели от предельной концентрации.

— Твое тело ответило, Ия. Ты сама всё видела, — тихо сказала Марина, делая пометку в блокноте. — Твой разум выдал то, что было заблокировано чувством вины. Ты была Хранителем. Но там, на празднике, что-то произошло, верно? Что-то, из-за чего ты сейчас в нынешней жизни боишься сделать малейший шаг и принять сколь-нибудь важное решение. Хочешь остановиться?

Ия вытерла слезы, глубоко вздохнула. Внутри неё, вопреки ожиданиям, не было прежней паники от расставания с Арсением. Там зрело совсем другое, древнее и грозное чувство. Необходимость узнать правду до конца.

— Нет, — Ия упрямо качнула головой, и в этот момент в её осанке промелькнуло что-то по-настоящему от воина. — Нам нужно вернуться. Я должна понять, что я сделала не так.

Глава 3. Чаша взвара

— Хорошо. Закрывай глаза. Снова выдох… и возвращайся на ту самую поляну, где звенит музыка.

Мир переключился мгновенно. Снова гусли, снова резные светящиеся дома и изумрудные крылья её дракона за спиной. Малыш-дракончик уже уполз к матери, а к Ие, мягко ступая по траве, приблизился тот, кого она совсем не ожидала увидеть наяву. Впрочем, как и дракона.

Друг. Ия с жадным интересом смотрела на него, и в её сознании вспыхнуло четкое знание: это эльф. До этого момента, живя в двадцать первом веке, она считала эльфов лишь выдумкой из книжек, но этот парень был абсолютно реальным. Высокий, тонкий, с острыми чертами лица и удивительно длинными, изящными пальцами. От него веяло прохладой горных ручьев и вековой мудростью деревьев.

— Ия, останься на праздник, — его голос прозвучал в её голове легко, словно шелест листвы. — Посмотри, как здесь хорошо. Совсем ненадолго, — он говорил что-то еще, уговаривая Ию остаться.

Она с сожалением посмотрела на эльфа, а затем оглянулась на своего дракона. Ящер преградил Ие дорогу крылом. Кажется, Ия почувствовала его беспокойство.

— Мне нельзя задерживаться, — ответила она другу, поправляя тяжелый кожаный ремень доспехов. — Я на службе. Ты же знаешь, Миф, мир сейчас так хрупок. Они… совсем близко.

Внутри у Ии похолодело от одного упоминания этих тварей.

Она знала: эти жестокие существа жаждут поработить человечество и захватить этот цветущий мир. Им нужны леса, вода, полезные ископаемые, а самое главное энергия. Энергия душ человеческих. Они голодны и от этого очень опасны. Но пока люди были в союзе с драконами, они оставались абсолютно непобедимыми. Древний дар человечества существовал только благодаря поддержке и энергии великих крылатых ящеров. Без них люди мгновенно станут уязвимыми, беззащитными, лишатся своей силы и превратятся в легкую добычу. Именно поэтому пришельцы объявили на драконов безжалостную охоту. Их осталось ничтожно мало — в этой долине сейчас находились практически последние: её верный изумрудный гигант, великая Мать и этот крошечный пушистый малыш, в котором теплилось будущее их силы.

— Совсем недолго, часик, Ия, — эльф улыбнулся, и его улыбка была такой мирной, такой притягательной на фоне её серьезной службы. — Ты заслужила немного отдыха.

Ия посмотрела на светящиеся резные наличники домов, на красивых женщин, несущих пироги, на счастливых детей. И о боже, пироги с грибами! Праздность, сладкая и манящая, медленно проникала в её уставшее тело воина. Отойду совсем ненадолго, успокоила она себя. Буквально на одну чашу взвара. Что может случиться за один час?

Она еще не знала, что этот час станет началом конца всего её мира.

Ия успела выпить сладкий ягодный взвар до дна и устало опуститься на деревянную скамью у костра, чувствуя, как по мышцам разливается странная, тяжёлая вялость, — и в этот миг мир вокруг неё взорвался.

Это не было обычным нападением. Это была спланированная, молниеносная казнь. Небо над долиной в одно мгновение окрасилось в гнилостный, фосфоресцирующий фиолетовый цвет, заглушив золотое сияние резных домов. Звуки гуслей оборвались на истошном, дребезжащем аккорде.

Из лесной чащи, от которой Ия так легкомысленно отмахнулась, с неба, отовсюду, беззвучно, словно саранча, хлынули они. Рептилоиды. Двуногие твари в мерцающих чешуйчатых черносмоляных доспехах, их плоские безносые морды с вертикальными зрачками не выра-

жали ничего, кроме холодной, расчетливой жестокости. В их руках хищно застрекотало оружие, выпускающее лучи мертвенно-белого огня.

— Назад! К драконам! — попыталась закричать Ия, но её мысленный крик потонул в поднявшемся хаосе.

Первый удар пришелся на холм. Твари знали, куда бить. Мать-драконица даже не успела подняться на лапы — несколько тяжелых, ревущих снарядов пробили её гематитовую грудь. Ия услышала её оглушительный стон, от которого у нее едва не лопнули барабанные перепонки. Великая хранительница рухнула, накрыв своим телом землю и новорожденного дракона.

— Нет! — закричала Ия в беспамятстве, выхватывая меч.

Вокруг закипел сущий ад. Резные светящиеся дома вспыхивали как сухая солома, а древний свет, лишившись подпитки погибших драконов, испуганно гасл в руках людей. Люди, лишенные своей главной силы, становились беззащитными мишенями. Твари не щадили никого: ни красивых женщин, роняющих пироги в грязь, ни игравших минуту назад детей. Все они падали один за другим, превращая цветущую деревню в братскую могилу.

Её собственный изумрудный дракон — верный Балт — был в самой гуще бойни. Он яростно крушил пришельцев хвостом, выжигал их ряды потоками яростного пламени, пытаясь закрыть собой уцелевших людей и Ию. Но силы были слишком неравны. Твари облепили его, как слепни, вонзая в его чешую отравленные клинки.

Пушистого золотого малыша ничто не спасло. Белый луч безжалостно полоснул по шкурам. Маленький желтый цыпленок, который только что смешно чихал дымом, превратился в горстку пепла на глазах у Ии.

— Балт! Назад! — кричала Ия, чувствуя, как её сердце разрывается от непоправимого, удушающего ужаса. Это она виновата. Она осталась. Она поддалась праздности. Она!

— Нет! Нет! Перестаньте! Я всё исправлю! Отойдите от него! — сорванный, хриплый крик разорвал стерильную тишину бежевой квартиры.

***

Настоящая Ия резко села на диване, задыхаясь, словно ее только что вытащили из ледяной воды. Ее колотила крупная, неудержимая дрожь, пальцы судорожно до побеления вцепились в край пледа, а по щекам катились горячие, обжигающие слезы. Она не кричала — из горла вырывались лишь прерывистые, судорожные всхлипы. Кошмар из транса не исчез, он просто переместился внутрь ее грудной клетки, выжигая все живое. Она хотела назад, туда, в это пекло — чтобы встать перед тварями, чтобы закрыть собой пушистого малыша, чтобы намертво заблокировать лесную тропу. Она хотела всё переписать!

— Ия, вернись! Я рядом, слышишь? — Марина побелела как полотно. Она подскочила к дивану, обхватила Ию за плечи и прижала ее к себе. Блокнот и ручка отлетели в сторону.

— Ия, это прошлое! Его нельзя изменить! Дыши! Сделай глубокий вдох, вернись в комнату!

Ия открыла глаза, но взгляд её был безумным, невидящим. Окружающий бежевый уют показался ей омерзительной, фальшивой декорацией.

— Зачем?.. — Ия судорожно втянула воздух, прижимая ладони к лицу. Её плечи тяжело вздрагивали. — Зачем ты вытащила это из меня? Зачем я согласилась на эту чертову регрессию?!

Горечь непоправимого затапливала её, как ядовитая смола.

— Я жила… — прохрипела Ия, опустив руки и глядя в пустоту перед собой. — Да, я мучилась с Арсением. Да, мне было тяжело. Но я не знала… я не помнила ЭТОГО. Эта тяжесть… она же нечеловеческая, Мариш. Из-за меня погиб целый мир. Из-за меня убили детей. Из-за меня сожгли малыша… Мой дракон… он там, в Межмирье, истекает кровью уже тысячи лет, потому что я трусливо спрятала его и не отпустила умирать. А я здесь… пилю ногти! Кормлю котов! Хожу в магазины!

Она подняла на подругу полные горького отчаяния глаза.

— Всё плохо, Марин. Всё, что у меня есть сейчас — это наказание. Моя фигура, моя нерешительность, я одна — это плата за ту минуту, когда я захотела выпить взвара и повеселиться. Как теперь с этим жить? Как мне с этим спать, Мариш?!

Марина молча присела рядом на диван, и крепко, изо всех сил обняла подругу. Наступила страшная, глухая тишина, в которой отчетливо ощущалось: прежняя Ия умерла в этой комнате, а новая еще не знала, как нести этот груз.

Подруга осторожно разжала объятия, ушла на кухню и вернулась через пару минут, неся в руках большую кружку горячего успокоительного напитка. Ия послушно, словно робот, выпила зелье домашней колдуньи, обхватив теплыми ладонями керамические бока кружки.

Постепенно дыхание её выровнялось. Бешеный стук сердца в груди утих, сменившись глухой, звенящей пустотой. Приступ отчаяния ушел, оставив после себя ту самую тяжелую, свинцовую усталость, которая годами копилась в её теле. Лекарство подействовало — Ия сидела, откинувшись на подушки, глядя в одну точку на светлой стене, но её разум всё еще был там, среди пепла и затухающих искр разрушенного мира.

— Извини, Мариш… — тихо, почти беззвучно произнесла Ия, сделав глоток чая. — Я напугала тебя. Просто… это было так реально. Я до сих пор чувствую этот запах гари.

Марина села напротив, бережно коснувшись её колена.

— Всё хорошо, Ийка. Ты справилась. Главное — ты вернулась. Но ты сказала, что твой дракон… Балт… он жив? Расскажи мне, что было дальше. Как ты спаслась? Тело помнит итог. Выговори это, тебе станет легче.

Ия закрыла глаза, и перед её внутренним взором, уже без паники, а с глубокой, вековой скорбью, поплыли финальные кадры той трагедии.

— Вокруг всё горело, — заговорила Ия, и её голос звучал ровно, отрешенно, словно она читала старинную хронику. — Миф… мой друг-эльф… я видела, как он пытался увести остатки людей к горам, к скалам. Но твари настигали их. Вековая сила человечества угасала на глазах, потому что Мать и малыш были мертвы. Оставался только мой Балт. Он был весь изранен, чешуя висела лохмотьями, из порезов текла густая, темная кровь. Он закрывал меня собой до последнего. И когда я поняла, что деревни больше нет, что защищать и спасать больше некого… во мне проснулось что-то страшное. Какая-то отчаянная, эгоистичная сила.

Ия судорожно сглотнула, крепче сжимая кружку.

— Я собрала все остатки магии, какие только были в моем теле, в воздухе, в самой земле долины. Это были крохи, последние капли. Я соткала из них плотный, переливающийся эвакуационный пузырь. Окутала им Балта, шагнула внутрь сама, и мы… провалились в разлом. Мы переместились куда-то прочь из этого мира.

— Куда? — едва слышно спросила Марина.

— В пустоту, — Ия покачала головой. — Это была не пещера, не тайное убежище в лесу. Ничего земного. Странное, холодное, абсолютно пустое место, где нет времени и пространства. Межмирье. Безопасное, потому что враг никогда не сможет туда дотянуться — у него просто нет ключей от этого измерения. Балт умирал передо мной. Его дыхание становилось всё реже, огромные золотые глаза закрывались. Ему было больно, Мариш. По-хорошему, мне нужно было отпустить его. Дать ему умереть спокойно, вернуть его душу Вселенной. Но мне было так дико, трусливо жаль его… Я так боялась остаться одна в этой пустоте, я бы не выжила без него. И хотела все непременно исправить.

На губах Ии появилась горькая усмешка.

— И я совершила вторую ошибку… или нет. Я не отпустила его умирать. Я заперла его там. Свою самую последнюю искру силы, которая оставалась во мне, я отдала на то, чтобы заключить его в этом месте и запечатать. Тело Балта осталось там — нетленное, замершее во времени. Жизнь теплится в нем по капле, поддерживаемая этой моей искрой. Долгие, долгие

века… Он ждет там, в холодном безвременье, в ледяной тишине, пока я снова не найду его и не подниму своей силой.

Ия замерла, пораженная своей догадкой, и подняла глаза на Марину:

— Боже… Бальтазар! У него ведь точно такой же верхний клык выпирает вперед… Вот откуда эта моя необъяснимая любовь к котам с дефектами, вот откуда вера в необъяснимое и загадочное. Я всю жизнь подсознательно искала моего Балта…

Ия открыла глаза и посмотрела на свои руки, на свои пальцы.

— И вот я здесь, Марина. В двадцать первом веке. Вековой дар ушел из этого мира вместе с драконами. Откуда мне взять силу, чтобы открыть эти врата и вылечить его? Из каких маникюрных лаков и кошачьего корма мне её выцепить? Я заперла своего лучшего друга в вечном анабиозе, лишила себя способности принимать решения в этой жизни, потому что именно то моё, самое главное решение, привело к катастрофе. И теперь я просто отбываю срок в теле богатыря…

Ия сделала еще один глоток остывающего мятного чая и уставилась в окно, за которым медленно разгорался обычный городской день. Но видела она совсем другое.

— Знаешь, Мариш, — тихо продолжила она, — самое страшное началось потом. Когда я вышла из пустоты Межмирья обратно. Без своего дракона. Без силы его огня. В мир, который лежал в руинах. Наш Миф… мой друг-эльф… он все-таки успел тогда кое-что сделать. Он собрал тех немногих людей и своих собратьев, кто уцелел в бойне, и увел их прочь от сожженной деревни. Увел в глухие леса, ближе к древним, неприступным горам.

Ия судорожно вздохнула, баюкая кружку в ладонях.

— А я… я сломалась. Точнее, та прежняя, улыбающаяся Ия с длинными рыжими кудрями умерла вместе с малышом-дракончиком на той поляне. Я заковала свое сердце в сталь. Стала воином-освободителем, безжалостной машиной для убийства. Несколько лет я вела партизанскую войну, ежедневно, одержимо выслеживая и уничтожая рептилоидов. Чтобы волосы не мешали в бою, я безжалостно обрезала их. И знаешь, что? Они за считанные дни полностью поседели. В свои неполные тридцать лет я стала белой как лунь. В тяжелых доспехах, с грубым голосом и выжженной душой я стала абсолютно похожа на сурового, повидавшего виды мужчину. Мое тело огрубело, подстроилось под эту бесконечную войну… Вот откуда во мне сегодняшней эта богатырская стать, Мариш. Это память о тех годах, когда я в одиночку таскала на себе пудовое железо и рубила врагов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.